

Концепция мира и человека в мордовской женской прозе

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

Н. М. Юсупова

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Российская Федерация,
faikovich@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению прозы современных мордовских авторов-женщин. Предметом исследования являются средства, приёмы моделирования художественной реальности, принципы структурирования образной системы, сюжетобразующие концепты в произведениях Тамары Барговой, Валентины Мишаниной, Татьяны Разгуляевой.

Цель статьи: раскрыть специфику индивидуально-авторской картины мира и человека в произведениях национальных писательниц.

Материалы исследования: рассказы Т. Барговой, В. Мишаниной, Т. Разгуляевой.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования приходим к заключению о том, что в произведениях современных мордовских авторов-женщин эксплицирована самобытная концепция мира и человека, тексты характеризуются оригинальным решением насущных проблем действительности, тематической разноплановостью, глубокой психологизацией характера, особым вниманием к вопросам гендерных взаимоотношений, воссозданию женской судьбы, утверждением национальных этических норм и универсальных нравственных принципов. В рассказах В. Мишаниной, Т. Барговой, Т. Разгуляевой отражаются особенности рубежной эпохи – общественно-культурные проявления, материальные и духовные предпочтения социума, нивелирование национальных основ, разрушение традиционного этнического сознания, трагическое мироощущение современника. В процессе моделирования картины мира авторы разрабатывают индивидуальную эстетическую концепцию, используют арсенал определённых приёмов, средств раскрытия характера (воспоминание, сон, видение, поток сознания, критическая ситуация или ситуация одиночества, обстановка действия, авторская позиция, подтекст, письмо), обращаются к возможностям символической образности, что свидетельствует о высоком эстетическом уровне мордовской женской прозы в целом. Научная новизна статьи определяется тем, что материал исследования впервые анализируется в аспекте заявленной проблемы.

Ключевые слова: современная мордовская литература, мордовская женская проза, авторская концепция, Т. Баргова, В. Мишанина, Т. Разгуляева, тема, персонаж.

Для цитирования: Шеянова С. В., Юсупова Н. М. Концепция мира и человека в мордовской женской прозе // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 337–345.

The conception of the world and man in Mordovian women's prose

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

N. M. Yusupova

*Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation,
faikovich@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the prose of contemporary Mordovian female authors. The subject of the study is the means, methods of modeling artistic reality, the principles of structuring the figurative system, plot-forming concepts in the works of Tamara Bargova, Valentina Mishanina, and Tatyana Razgulyaeva.

Objective: to reveal the specifics of the individual author's picture of the world and man in the works of national writers.

Research materials: stories by T. Bargova, V. Mishanina, T. Razgulyaeva.

Results and novelty of the research: as a result of the study, we come to the conclusion that in the works of modern Mordovian women authors the original concept of the world and man is explicated. The texts are characterized by an original solution to the pressing problems of reality, thematic diversity, deep psychologization of character, special attention to gender relations, the reconstruction of women's fate, the assertion of national ethical norms and universal moral principles. The stories of V. Mishanina, T. Bargova, and T. Razgulyaeva reflect the features of the milestone era – socio-cultural manifestations, material and spiritual preferences of society, the leveling of national foundations, the destruction of traditional ethnic consciousness, and the tragic worldview of a contemporary. In the process of modeling a picture of the world, the authors develop an individual aesthetic concept. They use an arsenal of certain techniques, means of revealing the character (memory, dream, vision, stream of consciousness, a critical situation or a situation of loneliness, circumstances, an author's position, subtext, and letter). The authors turn to the possibilities of a symbolic imagery, this testifies to the high aesthetic level of Mordovian women's prose in general. The scientific novelty of the article is determined by the fact that the research material is analyzed for the first time in the aspect of the stated problem.

Key words: modern Mordovian literature, Mordovian women's prose, author's conception, T. Bargova, V. Mishanina, T. Razgulyaeva, theme, character.

For citation: Sheyanova S. V., Yusupova N. M. The conception of the world and man in Mordovian women's prose // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2022; 12 (2): 337–345.

Введение

На рубеже XX–XXI веков в литературе Мордовии активизируется женское письмо, что следует считать определённым прорывом в творческом сознании общества, поскольку вплоть до 1990-х гг. доминирующие позиции занимали авторы-мужчины, которые диктовали как проблемно-тематическую структуру текстов, так и специфику образной формы на нарративном, композиционном, хронологическом уровнях. Литературная ситуация последних десятилетий ознаменовалась сменой не только основных художественных тенденций, философско-аксиологических содержательных векторов, но и субъектов творчества – появлением ряда талантливых женщин-писателей, формирующих «особую систему эстетического мировосприятия», образующих «целостное культурное пространство» [12, 1020]. Оригинальные повествовательные стратегии, методики создания художественного образа, технологии решения насущных проблем действительности, тематическую многоплановость и одновременно лаконичность сюжета, образный авторский стиль продемонстрировали В. Мишанина, Т. Баргова, Т. Разгуляева, Н. Мирская, Е. Конкина, Н. Рузанкина, С. Трemasова и другие.

В современной литературоведческой науке женская проза осмысливается сложным социокультурным явлением, несущим «новый духовный опыт, новое самосознание и мировидение» [12, 1023], отражающим деформацию, разрушение стереотипов восприятия женского начала, исследующим социально-психологические,

этические проблемы современности. Она характеризуется определёнными чертами, обладает особыми признаками, проявляющимися в типе повествования, организации сюжета, поэтике текста – интертекстуальности, открытой авторской позиции, глубоком психологизме, метафоричной образности. Чаще всего, проблематика произведений авторов-женщин связана с женской судьбой, нарратор «исследует социально-психологические и нравственные вопросы жизни современного человека без обсуждения внешних факторов, но буквально проникая в его внутренний мир. Центральное место содержания произведений данного литературного направления занимает конфликт между героиней и героем. Текст же пронизан стилистическими приемами, для которых характерны повышенная эмоциональность и экспрессивность» [3, 177]. Сюжетная модель женского текста чаще представлена замкнутой моделью с включением внесюжетных элементов – ретроспективных эпизодов, авторских комментариев, саморецепции. Интертекстуальность женской прозы обусловлена, на наш взгляд, стремлением авторов воссоздать «диалог эпох», интерпретировать явления современности посредством архетипических фольклорных и библейских ассоциаций.

Произведения мордовских авторов-женщин В. Мишаниной, Т. Барговой, Т. Разгуляевой в целом отличаются широтой обобщения: прозаикам удаётся переложить локальный бытовой конфликт в социальную плоскость, коррелировать внимание к судьбе «маленького человека» с решением нравственных проблем, посредством

этого подвести читателя к размышлениям философского, онтологического содержания, восприятию общебытийного смысла. Авторы объединяет особый интерес к уникальной женской судьбе, раскрытию психологических тонкостей, интенций героинь, однако каждый из них находит оригинальные приёмы, средства отражения многоликости женского характера. В рассказах писательниц очевидно стремление зафиксировать особенности национального мироощущения, передать закреплённые в народном сознании нравственные критерии, нормы морали.

Репрезентация в произведениях авторов-женщин универсальной ценностной системы, традиционного этнического кода, неповторимой судьбы личности вызывает большой интерес со стороны национальных исследователей [1; 4; 6; 16], подвергающих научной рефлексии содержательно-поэтические особенности текстов, авторские средства, формы отражения ментальности героев, приёмы моделирования женского образа. Являясь объектом пристального внимания со стороны исследователей, женская литература Мордовии становится источником острой научной дискуссии. На наш взгляд, связанные с ней вопросы нуждаются в постоянном мониторинге, разноаспектном изучении, что приведёт к разгадке феномена женского творчества, раскрытию его роли в национально-культурном дискурсе. В процессе научной интерпретации художественного материала, формулировки теоретических положений и обобщений весьма полезно, на наш взгляд, осмысление аналитического опыта отечественных [3; 5; 8; 12; 14; 15], а также зарубежных учёных [18; 19; 20; 21; 22].

Актуальность предпринятого нами исследования обусловлена необходимостью определения специфики индивидуально-авторской картины мира и человека в произведениях В. Мишаниной, Т. Барговой, Т. Разгуляевой, что позволит выявить закономерности, перспективы развития мордовской женской прозы, эстетику национального женского письма, «идеологию» женского творчества в целом. Актуализация ряда сопутствующих исследовательских проблем (концептосфера литературы, возможности символической образности, функциональность внесюжетных элементов в тексте) свидетельствует о теоретической значимости статьи в контексте финно-угорского литературоведения.

Материалы и методы

Материалом исследования явились рассказы В. Мишаниной «Жила-была баба Куля», «Слепое

село», Т. Барговой «Острова любви», «Письмо», Т. Разгуляевой «Бесценный подарок» и др. В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: метод описательной поэтики, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный, историко-функциональный.

Результаты

В мордовской литературе женская проза – явление достаточно позднее, активизировавшееся в постперестроечный период на рубеже XX–XXI вв. в эпоху социокультурных изменений, трансформации определённой общественной идеологии, поиска новых возможностей творческого самовыражения. На протяжении всего прошлого столетия литературная деятельность считалась исключительно мужской прерогативой, женщинам-авторам было достаточно сложно конкурировать с господствующим мужским дискурсом. В настоящее время эстетический уровень развития мордовской женской прозы, особый характер авторского сознания, вызвавший многообразие повествовательных стратегий, форм репрезентации картины мира, деконструкцию традиционных моделей женственности / мужественности, галерею женских типов, стилистические приёмы «женского письма», позволяют воспринимать её культурно значимым модусом национально-художественного творчества, в формировании которого заметную роль играют В. Мишанина, Т. Баргова, Т. Разгуляева.

В рассказах В. Мишаниной ключевым воспринимается концепт «одиночество», а сюжетобразующим, смыслодержущим становится образ одинокой женщины, что обусловлено как авторским мировосприятием, так и трагическим мироощущением рубежной эпохи, идеологией постмодернизма, утверждающего экзистенциальную идею о том, что «человек, несмотря на возможности коммуникации в современном мире, по-прежнему страдает от одиночества» [10, 53]. Героини писательницы попадают в эту ситуацию по разным причинам. Так, одиночество героини рассказа «Начало пути» представляет собой субъективно переживаемое психологическое состояние, возникшее в результате предательства мужа и его ухода из семьи, не реализовавшая потенциал материнства Анастасия Львовна («Дымное утро») осознанно ведёт замкнутый образ жизни, таким образом наказывая себя за убийство нерожденного ребенка, одиночество бабы Кули, Микитари («Жила-была баба Куля»), Натальи («Встреча»),

стариков-супругов («Слепое село») обусловлено не столько субъективными, сколько объективными причинами – сужением коммуникации с внешним миром.

В рассказе «Жила-была баба Куля» В. Мишанина обращается к геронтологической теме, манифестируя мысль о том, что несмотря на изменения в мироощущении пожилой женщины, она не утрачивает внутреннее личностное содержание. Одиночество Кули и Микитари (жена Никиты) онтологически обусловлено, ментально, тем не менее воспринимается как проявление некой несправедливости, вызывает чувство протеста. В силу своего возраста женщины не занимаются трудовой деятельностью, основное время «копшатся на огороде», «вяжут носки и варежки внукам», раз в месяц ходят на почту за пенсией, ещё реже – за посылкой, в магазин за продуктами. Таким образом, одиночество в художественном мире В. Мишаниной материализуется, обретает физические свойства – пространственную и временную определённую, которая перемежается с ретроспективным контекстом, что обусловлено сознанием, мироощущением героинь, живущих воспоминаниями о прожитом. Воспоминания, сны, видения Кули выступают в качестве внесюжетных элементов – расширяют пространственно-временной хронотоп текста, придают стилю рассказа особую эмоциональность, иллюзию достоверности, способствуют воссозданию ассоциативной цепи картин, реанимированию тонкостей психологического состояния женщины в разные периоды её жизни.

В авторской картине мира концепты «материнство» и «одиночество» в целом взаимоисключающие понятия, однако в данном рассказе предстают параллельно, что усиливает осознание экзистенциальной природы одиночества пожилого человека. Героини одиноки, несмотря на то, что у них есть дети, которые редко приезжают и навещают матерей. Микитаря оправдывает своего единственного сына, который появляется в деревне редко, «с пустым портфелем, в помятой одежде, с несвежим лицом» [7, 87], его занятостью на работе. Однако читатель понимает, что между матерью и сыном не сложилась глубокая духовно-генетическая связь. Сын-эгоист не воспринял народные этические заповеди, не заботится о пожилой матери, подвергает её душевным страданиям, лишает себя возможности продолжить род, таким образом разрушает преемственность поколений как залог гармоничного сосуществования общества.

Героини рассказа перестали быть частью общества, оказались оторванными от него, что не позволяет им испытывать полноту жизни. Возникает чувственно-символический образ одиночества как непроницаемой прозрачной стены: женщины видят окружающий мир, но не могут пробиться к другим, стать активными членами социума. Стена свидетельствует о непреодолимости различий в сознании молодых и пожилых людей, об экзистенциальной природе одиночества стареющего человека. Однако нельзя утверждать, что героини не способны к установлению контакта, коммуникации с окружающими, выполнению определённой социальной роли. Автор моделирует ситуацию, в которой к бабе Куле обращаются соседи с просьбой присмотреть за заболевшим сынишкой. Женщина не просто откликается на просьбу, она реанимируется душевно, обретает надежду на сближение с людьми, избавление от многолетнего одиночества, ощущает прилив физических сил.

Концентрируя внимание на судьбе отдельной личности, В. Мишанина актуализирует насущные социально-психологические и этические проблемы современности – трансформация традиционных духовных основ, нивелирование ценностного кода, разрушение преемственности поколений, осмысление которых приводит к глубоким умозаключениям философского содержания. В рассказе «Слепое село» изображается типичная картина конца прошлого столетия: в разорённом и опустевшем селе, где проживает несколько одиноких стариков, нет даже электричества, за что его прозвали «Слепым». Автор отказывается от именованья персонажей, что усиливает ощущение типичности описываемых картин и образов «маленьких людей». Герои произведения – пожилая женщина и её слепой муж-инвалид – беспомощные старики, оказываются жертвой маргинальных типов, отбирающих у них пенсию, лишаящих средств к существованию. Жестокие обстоятельства, безвыходная ситуация не ожесточают стариков, не лишают их веры в доброе будущее. Кажется, проблема разрешится – занимающийся предвыборной агитацией местный чиновник пообещал пожилым людям «открыть глаза селу – провести свет» [7, 262], однако вместо конкретных действий, направленных на реализацию обещанного, выбрал «экономически более выгодный» путь – «открыл дом престарелых». В рассказе «Слепое село» коррелируют ряд социальных и нравственных проблем современности – неэффективная

социальная политика властей, не поддерживающих малоимущие слои населения, деградация личности, разрушение основ крестьянского миропорядка, преемственности поколений, что придаёт авторской манере проблематичность, социальную остроту, аксиологическую направленность.

В прозе Т. Барговой ключевым проблемно-тематическим кластером являются взаимоотношения женщины и мужчины, сложности диалога между полами, формы проявления феминности / маскулинности. Выбор средств, приёмов индивидуально-авторского самовыражения обусловлен спецификой мирозерцания прозаика, её нравственно-ценностными приоритетами. Необходимо акцентировать внимание на своеобразно выстраиваемом сюжете рассказов писательницы и образе автора. Сюжет её произведений возникает из непосредственных наблюдений над жизненными ситуациями, обстоятельствами, участниками которых часто становится она сама, порой, рассказывает историю своих знакомых, подруг, с которыми либо тесно общалась, либо проследила их судьбу со стороны. Таким образом автор перевоплощается из «реальной» фигуры в художественный образ, <...> в рамках художественного текста «овнешняет» себя и объективируется в образе «возможного другого» (героя-повествователя), который <...> одновременно включён в круг других персонажей, теряя право на «всезнание», но при этом продолжает быть «всеведущим» как истинный автор» [9, 53, 56]. Такая форма авторского самовыражения позволяет реализовать не только эстетические, но и коммуникативные задачи автора – создать иллюзию достоверности описываемых событий, проследить собственную рефлексию обстоятельств и персонажей, отразить ценностную, мировоззренческую позицию.

В рассказе «Острова любви» в перволичной форме передаётся трагическая история подруги автора-повествователя, погибшей в автомобильной аварии со своим любовником – женатым мужчиной. Повествователь фиксирует ключевые моменты биографии Вали-Тины, стремясь найти в них причины случившегося несчастья. После окончания школы сельская девушка Валя переезжает в город, естественно её желание обрести стабильное положение в обществе, найти личное счастье, жить в материальном достатке, но ожидания оборачиваются разочарованием в супружестве, нереализованным материнством. Она переживает глубокую психологическую травму. Это стало толчком к стремлению Вали

кардинально изменить свою жизнь, отказу от собственной личности и самоотчуждению, что проявляется в смене имени. Раздвоение сознания главной героини создаёт эффект двойничества, интерпретируемый, в частности, как «самоотчуждение личности, расщепление её сознания на две противоположные сферы, отрицающие друг друга, внутренний разлад со своей сущностью» [11, 16]. Мы наблюдаем, как скромная, добропорядочная героиня кардинально меняет образ жизни, манеру поведения – она посещает рестораны, богато одевается, ярко красится, знакомится с состоятельными мужчинами, завязывает с ними кратковременные отношения. Героиня не терзается двойственностью самоощущения, в ней начинает доминировать Тина-хищница, не задумывающаяся об аморальности своего поведения, что усугубляет её положение. Игнорирование нравственных норм, этических постулатов, многочисленные любовные интриги, взаимоотношения с женатыми мужчинами не приносят ей счастья, удовлетворённости жизнью, уверенности в себе. В авторских размышлениях чётко прослеживается мысль о том, что причиной трагедии Вали являются прежде всего не внешние обстоятельства, не влияние дисгармоничной действительности, а противоречия между чувством собственной несостоятельности, желанием материального обогащения и фантазиями, завышенной самооценкой. Со своими многочисленными любовниками она играла определённую роль, не испытывая к ним глубоких эмоций, ни к кому не привязываясь, чувствуя свою женскую власть над ними, требовала финансового обеспечения. Несмотря на неоднозначность поведения Вали-Тины, повествователь не осуждает её, уже после гибели даёт ей возможность реабилитироваться посредством своего сна. Такое сюжетное решение вызвано авторской приверженностью христианской заповеди, гуманистической идее всепрощения.

В рассказе «Письмо» воссоздаются обстоятельства, которые, по свидетельству автора-повествователя, впечатлили её, вызвали глубокую эмоциональную реакцию. В произведении использована оригинальная форма авторского самовыражения – главная героиня не является активным действующим лицом, завязку сюжета формирует её письмо, переданное повествовательнице в коридоре суда, при этом прозаику удалось изобразить психологически мотивированный характер, исследовать особенности взаимодействия героини и её окружения. Отношение автора к главной героине Салтыковой тоже

особенное, на первый взгляд, она дистанцируется от незнакомой женщины, испытывает брезгливость от её неухоженного мужеподобного вида, одновременно проникается участием к её судьбе.

Т. Баргова находит точные приёмы и средства раскрытия образа женщины, осуждённой за совершение очередного преступления. Ключевую нагрузку несёт описание обстановки комнаты Салтыковой. Старая ободранная мебель, грязные обои на стенах, растрескавшаяся краска на полу, тёмный потолок соотносятся с внешним видом морально деградировавшей хозяйки. В данном случае бытописание не ограничивается функцией представления места действия, оно сопряжено с авторским интересом к бытийному смыслу, исследованием духовно-нравственной сущности персонажа. В необустроенной среде обращают на себя внимание цветы на подоконнике, «безжизненные как сама хозяйка, видимо, им, как и ей, не хватало тепла, света...» [2, 82]. Эта деталь моментально меняет восприятие героини, рождает чувство жалости к ней, желание разорвать маргинальный круг её общения, помочь изменить образ жизни. В данном случае цветы наделяются символической семантикой – дают надежду на нравственное возрождение деградировавшей героини, стремящейся как-то украсить свою жизнь, привнести в неё положительные эмоции. Следует отметить, что обращение к флористическим символическим образам наблюдается во многих произведениях мордовских авторов, их семантика подчинена пафосу нравственного и физического совершенства. В анализируемом рассказе традиционность символического индизнация дополняется особым онтологическим смыслом, метафорическая функциональность образа-символа доводится до субъективно-ассоциативного понятия.

В рассказе «Письмо» раскрыты ключевые авторские представления о современном мире, взаимодействии социума и индивидуума. Воссозданная в тексте частная история имеет серьёзный социальный подтекст, актуализирующий ряд проблем: незащищённость человека в обществе, отсутствие практики социальной адаптации лиц, находящихся в критической ситуации, что формирует индивидуально-авторский образ современности – времени дисгармонии, душевного смятения, страха, нереализованности, разочарования, отчуждения.

В художественном мире Т. Разгуляевой важнейшим концептом является «прошлое», не-

сущее позитивную эмоциональную окраску. Прошлое воспринимается автором-повествователем с высоты прожитых лет как некий единый период детства, юности, молодости, обусловивший её различные психологические состояния. По утверждению исследователей, «при формировании образа прошлого в художественных текстах особую роль имеют триггеры воспоминаний» [17, 166]. В произведениях Т. Разгуляевой выделяем типичные триггеры: люди (образы матери, деда, отца), поведение человека (забота, переживание), картины (изображения) (сезонные пейзажные описания), звуки (крики журавлей, шелест травы, течение воды), предметы (кольцо, свадебное платье, солонка), запахи (запах рзотравья, цветов, спелых яблок). Они являются для автора лично значимыми, поэтому передаются в мельчайших деталях, а связанные с ними эмоциональные ощущения яркие, несмотря на временную удалённость.

В рассказах Т. Разгуляевой сквозь призму прошлого осмысливаются семейно-брачные отношения, ответственность родителей за судьбу детей, взаимосвязь между близкими родственниками, материнская любовь и жертвенность и др. Эти мотивы становятся ключевыми в рассказах «Долгая дорога», «Оглядываясь назад», «Сон», «Бесценный подарок», «Кусочек жизни», «Журавлиные пляски», четко манифестируется в авторских ремарках: «Прожитое становится мерилем жизни, путеводной звездой. ... Без прошлого не бывает будущего. Прошлое и будущее тесно взаимосвязаны, их развести невозможно» [13, 33]. В авторской картине прошлое реанимируется посредством сна, воспоминаний, видений. Оно зафиксировано на уровне подсознания человека, поэтому помогает объяснить истоки характера, особенности его мировосприятия, поведения, порой – предсказать будущее. В творческом сознании прозаика происходит уникальный процесс погружения в прошлое, вызывающий особые эмоции, яркие ассоциации, переходящий в самоанализ, приводящий к глубоким онтологическим обобщениям о взаимосвязи мира и человека.

В рассказе «Бесценный подарок» основным принципом организации повествования является приём ретроспекции, позволяющий свободно переноситься во времени и пространстве. Сюжетобразующие архетипические образы Отчего Дома и Матери, соотносимые с концептами «прошлое», «детство», вызывают у реципиен-

та глубокие ассоциации, способствует восприятию целостной картины жизни, раскрытию мироощущения героини, её интенций. Автор не сосредотачивается на внешней реальности, бытовых деталях, которые являются лишь экспозицией к картине взаимоотношений самых близких людей, смысловым центром является не тот факт, что героиня с детства помнит о разбитой солонке, дорогой памяти матери, и спустя много лет находит и покупает такую же, а идея глубокой духовной взаимосвязи между матерью и дочерью. С одной стороны, мать дает героине ощущение цельности бытия, защищённости, полноты счастья жизни, с другой – транслирует ей этические заповеди, универсальные и этнические ценности.

Обсуждение и заключение

Проведённое исследование творческих образов мордовских авторов-женщин позволяет резюмировать, что концепция мира и человека в их произведениях обусловлена социально-бытовыми, национально-культурными проявлениями рубежной эпохи, глобализационными процессами, нравственно-психологическим состоянием современника, ориентирована на постмодернистские принципы, при этом отражает классическую традицию национальной литературы в утверждении извечных духовных ценностей, осмыслении взаимосвязи индивидуума и общества, исследовании микромира личности. У каждой писательницы – субъективное мироощущение, внутреннее ощущение реальности, что предопределяет выбор ею проблемно-тематического контента, принципов моделирования персонажной сферы, арсенала художественных приёмов, средств образности. Авторы-женщины предлагают оригинальные повествовательные стратегии, находят яркие способы репрезентации различных социальных условий, бытовых обстоятельств, разрабатывают методики изучения человеческой природы, поведенческой модели личности.

В художественном мире В. Мишаниной доминирующим проблемно-тематическим кластером становится женское одиночество, перемежающееся с отражением реалий современного жизненного уклада, раскрытием актуальных национально-общественных вопросов. Образ женщины в рассказах автора обусловлен как традиционной поэтикой национальной прозы предшествующих десятилетий (представление

женщины как идеала скромности, верности, нравственной чистоты, жертвенности), так и постмодернистскими тенденциями, что проявилось в констатации трагизма судьбы героини, её раннего вдовства, предательства любимого человека, нереализованного материнства, утраты взаимосвязи с детьми. Посредством ретроспективных приёмов автору удалось реанимировать ключевые этапы жизненного пути героинь, проследить динамику их внутреннего состояния, тончайшие проявления женской природы, трансформацию мировоззрения, утвердить их как носителей этнических нравственных норм, общечеловеческих ценностей.

Нарративный дискурс прозы Т. Барговой направлен на моделирование гендерных ролей, взаимоотношений женщины и мужчины, исследование семейно-бытовой сферы и её влияния на формирование индивидуально-личностных качеств женщины. Художественная интерпретация автором проблемы полов обусловлена извечным интересом к гендерной оппозиции феминность / маскулинность, особенностям проявления женской и мужской психологии. Героини прозаика резко отличаются от женских типажей, раскрытых в классических образцах мордовской литературы, порой они не являются носителями высоких моральных качеств, часто игнорируют общепринятые нравственные нормы, в результате оказываются в критической жизненной ситуации. Автор-повествователь толерантна к своим персонажам, она даёт им возможность душевной реабилитации не только при жизни, но и после смерти, что достигается посредством разнообразных приёмов (образ-символ, сон-оправдание, подтекст).

Смыслообразующим концептом в рассказах Т. Разгуляевой является «прошлое», дополняемое типологически близкими понятиями детство, отчий дом, малая родина. Благодаря удачно подобранным приёмам, средствам (ретроспекция, сон, видение, поток сознания, образы-архетипы) в произведениях писательницы частная история получает глубокое обобщение, а авторская идея наполняется общечеловеческим смыслом. Эстетическая концепция мира прозаика основана на национальных и универсальных ценностных константах, её персонажи, с одной стороны, отражают специфический тип ментальности, с другой – транслируют общечеловеческие нравственно-этические установки.

Список источников и литературы

1. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Концепция одиночества в современной мордовской литературе // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 7–13.
2. Баргова Т. Вечкемань усяят (Берега любви). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. 160 с.
3. Горжая А. А. Психологическая женская проза как объект исследования // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 175–181.
4. Жиндеева Е. А. Повествовательные стратегии новейшей женской прозы Мордовии // Вестник угроведения. 2014. № 1 (16). С. 18–22.
5. Инаркаева С. И., Багаева Э. Р. Художественная парадигма современной чеченской женской прозы // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 552–554.
6. Левина Н. Н. Художественная модель женского образа в прозе В. Мишаниной // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 262–270.
7. Мишанина В. Ёронь юромста стирня (Девочка из рода перепелки). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006. 344 с.
8. Никифорова В. В. Чувашская женская проза в контексте современной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 1. С. 67–71.
9. Осьмухина О. Ю. Автор в поисках себя: формы функционирования авторской маски в отечественной прозе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 1 (9). С. 52–57.
10. Пирождова А. О. Концепт «одиночество» в романе Янна Мартела «Высокие горы Португалии» // Филология: научные исследования. 2020. № 4. С. 48–59.
11. Повх Ю. А. Петербургский миф в русской прозе 1990–2000-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 19 с.
12. Попова И. М., Любезная Е. В. Феномен современной «женской прозы» // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2008. Т. 14. № 4. С. 1020–1024.
13. Разгуляева Т. Певердезь човалят (Рассыпанный бисер). Саранск: Морд. кн. изд-во, 2008. 80 с.
14. Хачмафова З. Р., Середа Л. М. Гендерная картина мира в дискурсе женской прозы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 1 (252). С. 72–77.
15. Широкова Е. В. Художественные эксперименты в русской женской прозе конца XX века (поэтика языка и времени): дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 151 с.
16. Щанкина Ю. И. Смысловые доминанты женского творчества Мордовии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 132 с.
17. Юкина Е. Ю. Психолингвистические особенности репрезентации образа прошлого в англоязычных художественных текстах // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 1. С. 158–171.
18. Clarke E. Contextualizing the Woman Writer: Editing Lucy Hutchinson's Religious Prose // Editing Early Modern Women / S. Ross and P. Salzman. London: Cambridge UP, 2016. Pp. 77–94.
19. Miller J. E. Who's Who in Contemporary Women's Writing. London: Taylor and Francis, 2019. 385 p.
20. Murtazaeva F. Women's Prose in The Context of Modern Literature // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8 (3S). Pp. 193–196.
21. Paravisini-Gebert L. Unchained Tales: Women Prose Writers from the Hispanic Caribbean in the 1990s // Bulletin of Latin American Research. 2003. Vol. 22. № 4. Pp. 445–464.
22. Traverso A. To be a woman and write in Chile: Canon, critical and gender conceptions // Anales de Literatura Chilena. 2013. Vol. 14 (20). Pp. 67–89.

References

1. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. *Koncepcija odinochestva v sovremennoj mordovskoj literature* [The conception of loneliness in the modern Mordovian literature]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 1 (24), pp. 7–13. (In Russian)
2. Bargova T. *Berega ljubvi* [The Shores of Love]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1997. 160 p. (In Erzya)
3. Gorzhaya A. A. *Psihologicheskaja zhenskaja proza kak ob'ekt issledovanija* [Psychological women's prose as an object of study]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija* [Humanities and Law Research], 2020, no. 2, pp. 175–181. (In Russian)
4. Zhindeeva E. A. *Povestvovatel'nye strategii novejshej zhenskoj prozy Mordovii* [Narrative strategies in contemporary women's prose of Mordovia]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 1 (16), pp. 18–22. (In Russian)
5. Inarkaeva S. I., Bagaeva E. R. *Hudozhestvennaja paradigma sovremennoj chechenskoj zhenskoj prozy* [Artistic paradigm of modern Chechen women's prose]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of Science, Culture and Education], 2021, no. 6 (91), pp. 552–554. (In Russian)
6. Levina N. N. *Hudozhestvennaja model' zhenskogo obraza v proze V. Mishaninoy* [Artistic model of a female image in V. Mishanina's prose]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (2), pp. 262–270. (In Russian)
7. Mishanina V. *Devotchka iz roda perepelki* [A Girl from the Quail Family]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2006. 344 p. (In Moksha)
8. Nikiforova V. V. *Chuvashskaja zhenskaja proza v kontekste sovremennoj literatury* [Chuvash women's prose in the context of modern literature]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Issues of Theory & Practice], 2020, no. 1, pp. 67–71. (In Russian)

9. Osmukhina O. Yu. *Avtor v poiskah sebja: formy funkcionirovaniya avtorskoj maski v otechestvennoj proze* [The author in search of himself: forms of functioning of the author's mask in Russian prose]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities], 2009, no. 1 (9), pp. 52–57. (In Russian)
10. Pirozhkova A. O. *Koncept "odinochestvo" v romane Janna Martela "Vysokie gory Portugalii"* [The concept of "loneliness" in Yann Martel's novel "The High Mountains of Portugal"]. *Filologija: nauchnye issledovanija* [Philology: Scientific Researches], 2020, no. 4, pp. 48–59. (In Russian)
11. Povh Ju. A. *Peterburgskij mif v russkoj proze 1990–2000-h godov* [Petersburg myth in Russian prose of the 1990s–2000s]. Astrakhan, 2011. 19 p. (In Russian)
12. Popova I. M., Lyubeznaya E. V. *Fenomen sovremennoj "zhenskoi prozy"* [Phenomenon of modern "women prose"]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Tambov State Technical University], 2008, no. 14 (4), pp. 1020–1024. (In Russian)
13. Razgulyaeva T. *Rassypannyj biser* [Scattered Beads]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2008. 80 p. (In Russian)
14. Khachmafova Z. R., Sereda L. M. *Gendernaja kartina mira v diskurse zhenskoi prozy* [Gender picture of the world in women's prose discourse]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and the Arts], 2020, no. 1 (252), pp. 72–77. (In Russian)
15. Shirokova E. V. *Hudozhestvennye jeksperimenty v russkoj zhenskoi proze konca XX veka (pojetika jazyka i vremeni)* [Artistic experiments in Russian women's prose of the late XX century (poetics of language and time)]. Izhevsk, 2005. 151 p. (In Russian)
16. Shchankina Yu. I. *Smyslovye dominanty zhenskogo tvorčestva Mordovii* [Semantic dominants of woman creativity in Mordovia]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta Publ., 2016. 132 p. (In Russian)
17. Yukina E. Yu. *Psicholingvističeskie osobennosti reprezentacii obraza prošlogo v anglojazychnyh hudozhestvennyh tekstah* [Psycholinguistic features representation of the image of the past in English fiction texts]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Oblast University], 2020, no. 1, pp. 158–171. (In Russian)
18. Clarke E. *Contextualizing the Woman Writer: Editing Lucy Hutchinson's Religious Prose*. *Editing Early Modern Women*. S. Ross and P. Salzman. London. Cambridge UP, 2016. pp. 77–94. (In English)
19. Miller J. E. *Who's Who in Contemporary Women's Writing*. London: Taylor and Francis, 2019. 385 p. (In English)
20. Murtazaeva F. *Women's Prose in The Context of Modern Literature*. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 2019, no. 8 (3S), pp. 193–196. (In English)
21. Paravisini-Gebert L. *Unchained Tales: Women Prose Writers from the Hispanic Caribbean in the 1990s*. *Bulletin of Latin American Research*, 2003, no. 22 (4), pp. 445–464. (In English)
22. Traverso A. *To be a woman and write in Chile: Canon, critical and gender conceptions*. *Anales de Literatura Chilena*, 2013, no. 14 (20), pp. 67–89. (In Spanish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

Юсупова Нурфия Марсовна, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет (420035, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстана, д. 2), доктор филологических наук, доцент.

faikovich@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7353-0182

ABOUT THE AUTHORS

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

Yusupova Nurfiya Marsovna, Associate Professor, Department of Tatar Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (420035, Russian Federation, Republic of Tatarstan, Kazan, Tatarstan st., 2), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

faikovich@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7353-0182